

ЮВІЛЕЙНІ СТАТТІ

К 90-летнему юбилею профессора Леонида Самойловича Гиттика

Остановиться – оглянуться и бросить взгляд на пройденный путь. Расхожая идиома вызывает неудержимое желание вспомнить друзей, с которыми шагал вместе по крутым и извилистым дорогам жизни.

В этом незабываемом ряду Леониду Самойловичу Гиттику принадлежит одно из самых важных мест. И мне становится ещё более грустно от осознания того, что масштабы его неординарной личности при жизни не были достойно оценены. А ведь и действительно был он личностью поистине уникальной, которая формировалась, благодаря особому, только одному ему свойственному мироощущению. Свидетелями того нам посчастливилось быть на протяжении почти полувека.

Наше знакомство с четой Гиттиков произошло в далёком уже 1960 году, когда мы с женой Соней, тогда молодые врачи, проходили постдипломную специализацию в Волынской областной больнице. Это главное медицинское учреждение, уже тогда именовавшееся флагманом волынской медицины, отличалось средоточением лучших врачебных кадров. И без преувеличения осмелюсь заметить, что в том созвездии имён наиболее ярко светила уже взошедшая звезда – Л. С. Гиттик.

Своё врачебное мастерство он начал шлифовать в далёкой Пензенской глубинке и к началу нашего общения, занимая должность заведующего неврологическим отделением, стал вполне зрелым клиницистом. В отличие от некоторых других коллег по цеху, с самого начала характеризовал его сугубо научный подход к решению практических задач диагностики и лечения. Это ощущалось прежде всего в строго индивидуальном подходе к каждому больному, а особенно – в методике проведения общего обхода. С участием д-ра Гиттика он превращался в глубокое и яркое действо. В отличие от некоторых других отделений, где обход сводился едва ли не к «инвентаризации» наличного состава пациентов, в неврологии проводился глубокий разбор каждого конкретного случая с анализом всех возможных этиопатогенетических механизмов, оценкой эффективности лечебных мероприятий и определением прогноза заболевания. Нередко Леонид Самойлович увлекался настолько, что его анализ превращался в нечто похожее на микролекцию. Общий обход, как правило, длился добрую половину рабочего дня, и кто-то к концу мог и подустать. Но только не заведующий, который и после обхода мог пригласить в ординаторскую особо сложного больного, желая ещё раз проверить и оценить значимость отдельных симптомов заболевания в сочетании с данными параклинических обследований.

Такой подход мне каждый раз доводилось наблюдать, когда возникала необходимость в консультации невролога у кого-то из больных в нашем ЛОР-отделении. Как правило, это случалось, когда требовалось чёткое определение характера патологического процесса при так называемых отогенных и синусогенных внутричерепных осложнениях, особенно часто встречавшихся в 60–70-е годы. Своевременная их диагностика определяла нужное направление поиска при проведении операции. Только это могло обеспечить благоприятный результат всего лечения. Немаловажно отметить, что это происходило в то время, когда компьютерная и магнитно-резонансная томография, позволяющие в современных условиях надёжно и быстро определить патологический очаг, были ещё разве что предметом научной фантастики. Сложные диагностические проблемы решались тогда посредством неврологического молоточка и... врачебной интуиции. Особо показательным был в этом плане случай с молодой цыганкой Марией. Во время операции на ухе мне удалось обнаружить у неё два вида внутричерепного осложнения, но, невзирая на интенсивную терапию в послеоперационном периоде, состояние её только ухудшалось и стало едва ли не критическим. Несмотря на позднее время, Леонид Самойлович явился незамедлительно. Осмотрев больную, он заключил: нужно искать абсцесс мозжечка. Я тут же приступил к поискам ещё одного, третьего по счёту, внутричерепного осложнения и вскоре убедился в абсолютно точном попадании в цель неврологического мышления.

Самое яркое впечатление производило на врачей каждое выступление Л. С. Гиттика на научно-практических и патолого-анатомических конференциях. Оно всегда характеризовалось чётко отточенной речью, выверенностью формулировок, глубоким проникновением в проблему, свидетельствуя о многогранности эрудиции.

Когда в 1961 г. мы были переведены из полесского Ратно в областную больницу, Леонид Самойлович был уже кандидатом медицинских наук. Этой учёной степени он удостоился первым среди волынских врачей. Попытки участия в конкурсе на должность ассистента в университетском

медицинском центре по известным причинам были обречены на неудачу. Должность же заведующего кафедрой анатомии и физиологии Луцкого пединститута воспринималась в плане научной деятельности малоперспективной. Но, организовав на базе этой кафедры лабораторию нейрофизиологии, Гиттик сумел превратить её в активный и плодотворный научный центр.

В 1964 году украинское издательство «Здоровья» включило в свой план издание монографии Л. С. Гиттика «Малая хоря». Это было первое фундаментальное многоплановое издание на данную тему в Советском Союзе. Перевод на украинский язык был поручен почему-то... детскому писателю. Абсолютное незнание им медицинской терминологии нередко приводило к поистине трагико-комическим ситуациям. Трудно было удержаться от смеха, когда, вычитывая гранки, мы натыкались на всякого рода «перлы». Так, например, фразу «у определённого количества больных хоря сопровождалась лихорадочным состоянием» писатель перевел: «певну частину хворих час від часу кидало то в жар, то в холод». Возможно, такое звучание было подходящим для детской книжки, но никак не для научной монографии.

В апреле 1970 года Л. С. Гиттик представил к официальной защите свою докторскую диссертацию, посвящённую различным формам нейроревматизма у детей. Защита проходила в Московском НИИ неврологии и психиатрии. Пребывая в это время в столице на усовершенствовании, я смог стать свидетелем этой яркой акции. Членами учёного совета были самые видные неврологи и психиатры, а том числе авторы учебников для вузов, по которым училось не одно поколение студентов, например В. В. Михеев, М. Б. Цукер и др. Главный официальный оппонент академик Левон Бадалян «прихватил» с собой одну из своих аспиранток. Это юное создание обладало столь очаровательной внешностью, что невольно завладело всей мужской частью конференц-зала. Но стоило Л. С. Гиттику произнести лишь первые фразы своего доклада, как внимание аудитории полностью переклюилось на соискателя. Выступление было действительно блестящим. Каждая фраза отличалась филигранной точностью формулировок, чрезвычайно умело расставленными акцентами на наиболее важных разделах работы, что не вызывало ни малейших сомнений в её новизне и научной ценности. Немаловажным было и то, что докладчик точно уложился в отведённый регламент, ни разу даже не заглянув в заранее подготовленный текст. Полностью соответствовал произведённому впечатлению и результат тайного голосования – ни одного «чёрного шара».

Разумеется, как и всякое крупное научное исследование, эта работа не могла быть выполнена без участия надёжных помощников. Супруга Леонида Самойловича – Александра Лазаревна Болотина (главный педиатр облздравотдела) – занималась изучением соматической патологии, которая часто сопутствовала различным формам нейроревматизма у детей. Моя супруга – Соня, – овладев методикой электрофизиологических исследований, проводила электроэнцефалографию и электромиографию, которые давали возможность изучить электрическую активность головного мозга и электрическую активность мышц на различных этапах заболевания. Я был привлечён к обследованию и лечению патологии ЛОР-органов, которая в значительной части наблюдений служила пусковым механизмом основного патологического процесса.

В 70-е годы мы часто выезжали в выходные дни несколькими семьями на отдых в окрестности села Боголюбы (там располагалась тогда оздоровительная зона Луцкого лесничества). В чистом и глубоком пруду с берегами, поросшими плакучими ивами, можно было охладить разгорячённые под жарким летним солнцем тела. На широкой поляне играли мы в волейбол и бадминтон, а во время обеда каждая хозяйка старалась удивить своими разносолами.

Но, несомненно, самым главным в отдыхе на природе было разнотемье наших нескончаемых бесед. Во время одной из них Леонид Самойлович как бы невзначай сказал, обращаясь ко мне: «А почему бы Вам не систематизировать отоларингологическую часть наших наблюдений? Ведь из этого могла бы получиться полновесная диссертационная работа». Тут же мы вместе набросали ориентировочный план, и я стал первым его диссертантом.

Нередко предметом общего обсуждения становились литературные произведения, публиковавшиеся в различных «толстых» журналах. Л. С. Гиттик был большим знатоком литературы, особенно поэзии. Он знал наизусть много стихов поэтов «серебряного века», но больше всех любил Б. Пастернака и часто читал вслух одно из самых блестящих творений поэта «Свеча горела...». Памятуя об этой горячей привязанности Леонида Самойловича, я посвятил ему в честь 75-летнего юбилея такие строки:

Ты читал нам о том, как мело над землёй,
И горела свеча, дом согрел тишиной.
Но ветра погасили огни тишины –
Ты явил нам на суд свои дивные сны.

Но и в них всё к тебе не приходит покой,
Ты избрал для себя навсегда путь иной.
Ты развёл свой костёр, в нём горят, как дрова
Новым смыслом своим Пастернака слова.

Образ жизни твоей – это мысли весна,
Поиск новых идей, это ночи без сна.
И пробилась на свет, как весною листва,
В новом блеске своём Пастернака слова.

Мчится жизнь суетой, в ней горит твоя плоть,
Пусть и дальше пером твоим водит Господь!
И пусть тают снега, пусть восходит трава,
Мир собой озарят Пастернака слова.

Пусть не знает конца твой стремительный бег
И бурлящей рекой пусть струится вовек!
И пускай никогда не умолкнет молва,
Как ты нёс в этот мир Пастернака слова!

08.06.2001 г.

Л. С. Гиттик знал много студенческих песенок разных времён и, хотя не отличался голосом какого-то особого тембра, любил солировать во время наших нередких застолий. «В первые минуты бог создал институты...», «Надоело говорить и спорить», «Гренада» – всему этому мы научились у него.

Обращение к серьёзным жанрам прозы произошло у Леонида Самойловича уже в зрелые годы. Но случилось это не вдруг и не на ровном месте. Мало кто знает о том, что ещё в студенческие годы он активно сотрудничал в одной из харьковских газет в качестве обозревателя по вопросам культуры. Мне довелось познакомиться с несколькими его публикациями на эту тему конца 40-х годов прошлого века. Это были рецензии на театральные постановки, концерты и выставки произведений искусства, но в них можно было уловить несколько смелых по тем временам мыслей.

Тот факт, что Леонид Самойлович был серьёзно увлечен русской и украинской живописью, широко известен, как и то, что стал он обладателем уникального собрания произведений известных живописцев. С огромным радушием принимал он в своей квартире многочисленных гостей, для которых устраивал интереснейшие «экскурсии», демонстрируя при этом самые глубокие познания и в этом предмете. Мы хорошо помним, как это начиналось. Возвратившись однажды из Еревана не то с очередного съезда, не то с какой-то научной конференции, Леонид Самойлович привёз небольшую картину с профилем восточной женщины (автора я, увы, не помню). Это, собственно, и был почин, вслед за которым в квартире Гиттиков начали появляться всё новые и новые полотна. Признаться, и мы с интересом ждали приглашения, как говорил Леонид Самойлович, насладиться очередной «шедеврой». На каждое новое приобретение решался он лишь тогда, когда достоверно убеждался в его подлинности. А спустя какое-то время и сам стал признанным авторитетом в «собираТЕЛЬских кругах» и не раз приглашался в качестве эксперта.

И всё-таки главным достоинством Л. С. Гиттика мы считаем его особое искусство врачевания. Был он непримиримым противником полипрагазии и всегда подвергал беспощадной критике коллег, злоупотреблявших избыточным назначением медикаментозных средств, пусть даже и самых новейших. Но знал он твёрдо и чётко помнил о том, каков лечебный эффект от правильного, хорошо и к месту подобранного слова. Делал он это всегда с присущим ему чувством юмора, что вселяло надежду на исцеление даже у больных с самыми тяжёлыми недугами.

В этой связи вспоминается мне, как повстречали мы в тех же Боголюбых тогдашнего волынского губернатора (назывался он по тем временам председателем облисполкома) Юхима Арсентиевича

Ярошука. В сопровождении своих помощников совершал он прогулку на природе вскоре после очередной операции по поводу онкологического заболевания. Энергичный, волевой человек, умелый и авторитетный руководитель, взирал на нас совершенно потухшим взглядом. По всему было видно, что считал он себя обречённым, не без оснований полагая, что дни его сочтены. Мне пришла в тот момент на память цитата из классика – «какое низкое коварство полуживого забавлять...». Но Леонид Самойлович даже в такой непростой ситуации сумел найти подходящую случаю форму общения и, как мне показалось, после короткой беседы в глазах страдальца мелькнул лучик надежды.

Не менее важным является и то, что Л. С. Гиттик обладал высоким чувством собственного достоинства – умел твердо отстаивать свою точку зрения даже перед самыми высокими авторитетами. Никогда и ни перед кем он не угодничал и осуждал тех, кто проявлял чрезмерную «гибкость позвоночника». И вообще – был он, несомненно, человеком во всех отношениях блистательным.

Нельзя сказать, что за своим здоровьем Л. С. Гиттик совсем уж не следил. Гантельная гимнастика и холодный душ по утрам стали обязательным многолетним ритуалом, независимым ни от каких житейских ситуаций. Ведь не случайно и в зрелом возрасте он сохранял упругость бицепсов и плечевого пояса. Однако в последние годы своё собственное здоровье он определённо переоценивал и все предложения серьёзно обследоваться напрочь отвергал. Да и мы вместе с родными и близкими не были в этом чрезмерно настойчивы, полагая, что для лечения гипертонии современная медицина располагает достаточным арсеналом средств. О том, что проблема намного серьёзней, я понял из телефонной беседы с самым авторитетным на Вольни кардиологом, доктором медицинских наук А. Ягенским, который был приглашён для консультации и находился в доме Гиттиков как раз в тот момент, когда я позвонил им в очередной раз. В тот день я услышал, что операция на сердце является единственной альтернативой для спасения ситуации. В ответ на наше предложение приехать на лечение в Израиль мы услышали уже ставшее привычным: «Вы же знаете, что я – человек мира».

Из последнего письма Л. С. Гиттика можно было понять, что силы его уже на пределе. Он писал, что сосредоточился вокруг работы на университетской кафедре, взял отпуск в больнице и очень скучает без этой неотъемлемой составляющей его бытия. Был полон планов на будущее и делился ими с нами. Письмо датировалось 19 октября, на конверте стоял почтовый штампель от 20 октября. На следующий день Леонида Самойловича не стало. Его последнее письмо нашло нас ровно через неделю после того, как мы проводили нашего друга в последний путь. И вот уже двенадцать лет его нет с нами. Но не зря ведь говорят, что человек жив столько, сколько живёт о нём память. И многое говорит о том, что Леонид Самойлович Гиттик остаётся в сердцах и в делах его многочисленных последователей и учеников. Нынешняя научная конференция, посвящённая его 90-летнему юбилею, является самым ярким тому примером и самым убедительным доказательством. Низкий поклон и безграничная благодарность её организаторам.

Боль сдавила мне грудь от потерь и отчаянья,
От того, что уходят друзья в никуда.
Слишком рано их лодки к бессмертью причалили,
Утекает их время, как с вёсел вода.

Вместе с ними полжизни своей пробыл в плаванье
По житейскому морю надежд и невзгод.
Мы делились в пути и мечтами, и планами,
И судьба те года в минус нам не зачтёт.

Всё проходит... да только не всё исчезает вдруг.
Не исчезает венок этих славных имён.
И глядит на меня молодыми глазами друг
Из далёких, но светлых счастливых времён.

Яков Сагальчик. Хайфа (Израиль)